

На правах рукописи

НАУМОВА Ксения Андреевна

**СПЕЦИФИКА ГИБРИДНЫХ ВИДОВ ДИСКУРСА
(НА ПРИМЕРЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО
И ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСОВ)**

Специальность 10.02.19 – Теория языка

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Челябинск – 2021

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» на кафедре лингвистики и перевода Института лингвистики и международных коммуникаций.

Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент
Солопова Ольга Александровна

Официальные оппоненты: **Желтухина Марина Ростиславовна**,
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Волгоградский
государственный социально-
педагогический университет», профессор
кафедры английской филологии;

Нахимова Елена Анатольевна,
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Уральский государственный
педагогический университет», профессор
кафедры межкультурной коммуникации,
риторики и русского языка как
иностранного

Ведущая организация: ГАОУ ВО Ленинградской области
«Ленинградский государственный
университет имени А.С. Пушкина»

Защита состоится «28» февраля 2022 года в ____ часов на заседании объединенного диссертационного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Д 999.233.02, созданного на базе ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» по адресу: 454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на официальном сайте ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», https://www.csu.ru/Shared%20Documents/Naumova_dissertacija.pdf.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2022 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

 Н.В. Мамонова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация посвящена системному описанию гибридных институциональных видов дискурса с учетом их лингвистических и экстралингвистических характеристик.

Актуальность исследования. Со второй половины XX века большая часть лингвистических исследований проводится под влиянием так называемого дискурсивного поворота, выдвинувшего на первый план проблемы соотношения понятий *дискурс, текст, стиль и жанр*, определения дискурса и классификации его типов. Особый интерес представляют гибридные дискурсы, их характеристика и место в ряду других видов дискурса, в частности, военно-политический и военно-публицистический дискурсы, затрагивающие наиболее острые вопросы социальной и политической жизни.

Нестабильная политическая ситуация в мире поддерживает интерес исследователей к теме войны, а также способам и средствам ее репрезентации в различных видах дискурса. Именно дискурс выступает основным инструментом инициации, легитимации или критики военных действий и оказывает серьезное влияние на ход конфликта за счет манипуляции общественным мнением. Тем не менее ни военно-политический, ни военно-публицистический дискурсы не получили достаточного освещения в лингвистических исследованиях, что объясняет необходимость их дальнейшего изучения.

Степень разработанности темы. За рубежом фундаментальные вопросы военно-политического дискурса и относящегося к нему «дискурса о справедливой войне» (*just war discourse*) привлекают внимание исследователей с начала девяностых годов XX века, что связано с увеличением числа региональных конфликтов. Огромное влияние на изучение военно-политического дискурса оказала работа Дж. Лакоффа о системе метафор, использованных для оправдания войны в Персидском заливе [Lakoff, 1991]. Отдельные вопросы военно-политического дискурса освещались в работах Т. ван Дейка, Л. Калхун, И. Хуссари, Ф. Феррари, А. Ходжес, Дж. Майклса и др.

В отечественной дискурсологии одна из первых работ, посвященных военно-политическому дискурсу, принадлежит А.В. Оляничу [Олянич, 2003], при этом большинство исследований на данную тему опубликовано в течение последних десяти лет. Среди отечественных исследователей разработкой вопросов военно-политического дискурса занимаются Н.И. Андреев, В.Д. Бачурин, Н.Н. Кошкарлова, Е.А. Кучинская, Р.Р. Мавлеев, Э.Н. Мишкuroв, О.А. Солопова, Т.Н. Хомутова, А.П. Чудинов и др.

В настоящее время существуют разногласия относительно того, является ли военно-политический дискурс самостоятельным видом или же представляет собой составную часть политического, военного дискурса или дискурса СМИ. Отечественные исследователи сходятся на том, что военно-политический дискурс является частью институционального дискурса, обладает гибридной природой и характеризуется тесной связью с военной доктриной и идеологией

государства, выступая в качестве эффективного инструмента для манипулирования общественным сознанием.

Вопросы военно-публицистического дискурса получили широкое освещение за рубежом, при этом в отечественной научной литературе им по-прежнему уделяется недостаточно внимания. Чаще всего зарубежные ученые рассматривают языковые особенности освещения отдельных конфликтов в средствах массовой информации. К подобным исследованиям можно отнести работы М. Амера (палестино-израильский конфликт), Т. ван Дейка (война в Ираке 2003 г.), Д. Димитровой (война в Ираке 2003 г.), Ф. Эссера (война в Ираке 1991 и 2003 гг.), Р. Хакетта (война в Персидском заливе), П. Робинсона и др.

Отечественные исследователи преимущественно сосредоточены на разработке теоретического описания военно-публицистического дискурса. Стоит упомянуть работы Е.А. Кучинской, посвященные стратегиям, жанрам и композиции военно-публицистического дискурса, а также работы О.А. Солоповой и М.С. Салтыковой, в которых разграничиваются «дискурс о войне» (военно-публицистический дискурс) и «дискурс для войны» (военно-политический дискурс).

Указанные труды внесли значимый вклад в изучение военно-политического и военно-публицистического видов дискурса, однако по-прежнему существует необходимость их системного описания, что способствовало бы формированию целостного представления о дискурсивной репрезентации феномена войны.

В основу диссертационного исследования положена **гипотеза** о том, что интеграция военного дискурса с политическим и публицистическим порождает качественно новые виды дискурса, не сводимые к механической сумме их составляющих, что объясняет наличие у гибридных дискурсов сходств и различий.

Объектом исследования являются военно-политический и военно-публицистический дискурсы как гибридные виды дискурса. В качестве **предмета** исследования выступают функциональные, структурные и лингвистические особенности указанных видов дискурса.

Цель исследования – выявить специфику гибридных видов дискурса на примере военно-политического и военно-публицистического дискурсов.

Достижение указанной цели предусматривает решение следующих **задач**:

1) рассмотреть теоретико-методологические основы исследования дискурса, уточнить понятия об институциональных и гибридных видах дискурса;

2) изучить организацию военно-политического дискурса с учетом его институциональной и гибридной природы, определяющей содержание его компонентов и функций;

3) изучить организацию военно-публицистического дискурса с учетом его институциональной и гибридной природы, определяющей содержание его компонентов и функций;

4) выявить сценарий (тематическую структуру) военно-политического дискурса как способ вербализации его компонентов и реализации функций;

5) выявить сценарий (тематическую структуру) военно-публицистического дискурса как способ вербализации его компонентов и реализации функций;

6) предложить алгоритм описания гибридных институциональных видов дискурса с учетом функций и компонентов, а также лингвистических средств и стратегий, вербализующих эти компоненты.

Материал исследования представлен текстами американского военно-политического и военно-публицистического дискурсов по проблематике сирийского конфликта (с 2011 по 2021 г.). В качестве текстов военно-политического дискурса используются выступления Б. Обамы (141) и Д. Трампа (160) по сирийскому вопросу за период с 10.01.2011 по 10.01.2021 г. Военно-публицистический дискурс представлен публикациями в авторитетной американской газете *The New York Times*, которые являются реакцией на вышеупомянутые выступления (278 аналитических статей).

Теоретико-методологическую базу исследования составили труды отечественных и зарубежных авторов в области *теории дискурса* (Н.Н. Болдырев, Е.И. Голованова, В.З. Демьянков, В.И. Карасик, А.А. Кибрик, Е.С. Кубрякова, Н.Б. Руженцева, Р.А. Chilton, R. Wodak, N. Fairclough, T. Van Dijk и др.), *институционального дискурса* (Л.С. Бейлинсон, В.И. Карасик, G. Diani, T. Koole и др.), *политического дискурса* (Э.В. Будаев, С.В. Иванова, М.В. Ильин, Е.А. Нахимова, Е.О. Опарина, А.П. Чудинов, В.Е. Чернявская, Е.И. Шейгал, F. Ferrari, J. Pratt, T. van Dijk и др.), *медиадискурса* (М.Р. Желтухина, Т.В. Ларина, P. Robinson, B. Zelizer и др.), *военно-политического дискурса* (В.Д. Бачурин, Н.Н. Кошкарова, Р.Р. Мавлеев, Э.Н. Мишкuroв, А.В. Олянич, О.А. Солопова, А.П. Чудинов и др.) и *военно-публицистического дискурса* (Е.А. Кучинская, Е.А. Никонова, О.А. Солопова, М.С. Салтыкова и др.).

Для решения поставленных задач в работе применялись следующие **методы**: описательный метод, анализ словарных дефиниций, контекстуальный анализ, метод критического анализа дискурса, сценарный метод, элементы количественной обработки материала.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Гибридный дискурс представляет собой сочетание двух и более видов дискурса, один из которых является дискурсом-основой, а другие – дискурсами-дополнениями. Дискурс-основа определяет содержание дискурса, а дискурс-дополнение – его форму.

2. Военно-политический дискурс является гибридным институциональным видом дискурса, его формируют выступления представителей политических элит, сопровождающие различные этапы военных кампаний с целью их легитимации с учетом основополагающих ценностей того или иного общества.

3. Военно-публицистический дискурс является гибридным институциональным видом дискурса средств массовой информации о войне, в котором отражена альтернативная официальной точка зрения для предотвращения злоупотребления властью.

4. Военно-политический и военно-публицистический дискурсы, будучи институциональными видами дискурса, выполняют перформативную, нормативную, презентационную и парольную функции, синтез которых обеспечивает выполнение дискурсом его манипулятивной функции.

5. Единство тематической структуры гибридных видов дискурса обеспечивается содержанием таких ключевых компонентов, как агенты, цели и ценности; при этом чем меньше агентов дискурса, тем большим постоянством отличается его тематическая структура и способы ее вербализации.

6. Различия на уровне ключевых компонентов (агенты, цели, ценности) влекут за собой специфические особенности в реализации функций институциональных видов дискурса, что позволяет рассматривать подобные гибридные дискурсы как принципиально новые виды, не сводимые к сумме их составляющих: дискурсу-основе и дискурсу-дополнению.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые анализируются особенности гибридных видов дискурса, в которых вербализуется феномен войны, и факторы, способные оказывать влияние на специфические конфигурации характеристик гибридных дискурсов. В работе предложены авторские определения военно-политического и военно-публицистического видов дискурса, введены термины «дискурс-основа» и «дискурс-дополнение» для разграничения влияния исходных видов дискурса на результирующий гибридный дискурс. В оригинальном ключе проанализирован массив материала американского военно-политического и военно-публицистического дискурса по сирийской проблематике. Впервые разработана и обоснована тематическая структура (сценарий) указанных видов дискурса, подробно описаны их функциональные, лингвистические и экстралингвистические особенности.

Теоретическая значимость исследования состоит в развитии теории языка и теории дискурса, в уточнении классификации институциональных видов дискурса, определении в ней места, занимаемого гибридными видами. Подробное описание военно-политического и военно-публицистического дискурсов, а также их сценариев позволит дополнить и систематизировать существующие представления об указанных видах дискурса.

Практическая ценность работы заключается в том, что материалы и выводы исследования могут быть использованы в университетских курсах теории языка, теории дискурса, спецкурсах по лингвистическому анализу текста, политической лингвистике. Разработанная тематическая структура военно-политических и военно-публицистических текстов может применяться для написания и анализа текстов указанных видов дискурса, будет полезна филологам, политологам, спичрайтерам и имиджмейкерам.

Апробация работы. Теоретические и практические результаты исследования были изложены в докладах и сообщениях на XI, XII и XIII конференциях аспирантов и докторантов Южно-Уральского государственного университета (далее ЮУрГУ) (Челябинск, 2019–2021 гг.), 71-й научной конференции «НАУКА ЮУрГУ» (Челябинск, 2019 г.), региональной

конференции «Гороховские чтения» (Челябинск, 2019 г.), международной конференции «Лингвополитическая персонология: дискурсивный поворот» (Екатеринбург, 2019 г.), XV Международной научно-практической конференции «Государство, политика, социум: вызовы и стратегические приоритеты развития» (Екатеринбург, 2019 г.), X Международной научной конференции «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах» (Челябинск, 2020 г.), X Международном конгрессе по когнитивной лингвистике (Екатеринбург, 2020 г.), всероссийской конференции с международным участием «Великая победа в реалиях современной эпохи: историческая память и национальная безопасность» (Екатеринбург, 2020 г.), межвузовской студенческой научно-практической конференции «Новый взгляд – 5» (Челябинск, 2020 г.), а также были представлены на конкурсе научно-исследовательских работ в Дни студенческой науки ЮУрГУ (Челябинск, 2019 г.).

По теме исследования опубликовано 8 статей в рецензируемых журналах и сборниках научных трудов, из них 4 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК (в том числе 1 статья в журнале, индексируемом в международной базе данных Web of Science). Работа прошла апробацию в рамках научного проекта РФФИ № 19-012-00192.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении раскрывается актуальность изучаемой проблемы, определяется объект и предмет исследования, формулируется его цель, задачи, излагаются положения, выносимые на защиту, указываются теоретико-методологические основы, методы, научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, приводятся сведения об апробации результатов работы.

В первой главе «Теоретико-методологические основы исследования гибридных видов дискурса» содержится подробный обзор зарубежных и отечественных трудов по проблематике исследования, обобщаются имеющиеся теоретические знания, дается последовательное описание институционального и гибридного дискурсов, а также военно-политического и военно-публицистического видов дискурса как их разновидностей.

В главе рассматриваются подходы к определению термина «дискурс», принятые в зарубежной и отечественной лингвистике. В контексте настоящего исследования под дискурсом в широком смысле понимается отдельное коммуникативное событие, а в узком смысле – письменная или устная форма вербального взаимодействия или использования языка [Dijk, 2002], что характерно для многочисленных работ в области политической лингвистики и критического анализа дискурса.

Отдельное внимание уделяется вопросам типологии дискурса, основаниям для его классификации. Настоящее исследование опирается на классификацию В.И. Карасика, подразделяющего дискурс на личностно-ориентированный и статусно-ориентированный. Последний делится на ситуативно-ролевой и институциональный.

Под **институциональным дискурсом**, вслед за В.И. Карасиком, в работе понимается «образец вербального поведения, сложившийся в обществе применительно к закрепленным сферам общения» [Карасик, 1998: 190–191] или «текст в ситуации представительского общения» [Карасик, 2000: 25].

Анализ зарубежного и отечественного опыта в исследовании институционального дискурса позволил выявить, что его описание требует учета **функций** (перформативной, нормативной, презентационной, парольной) [Бейлинсон, 2009] и **компонентов**, присущих любому институциональному виду дискурса (участники, цели, ценности, стратегии, жанры, прецедентные тексты, дискурсивные формулы) [Карасик, 2002], а также фактора **асимметрии** (социальной и дискурсивной) [Freed, 2015]. Классификацию функций институционального дискурса Л.С. Бейлинсон предлагается дополнить **манипулятивной функцией**, представляющей собой синтез заявленных ранее функций.

Особое внимание в главе уделено тенденции институциональных видов дискурса к «гибридизации», при этом под **гибридным дискурсом**, вслед за О.А. Солоповой и М.С. Салтыковой, понимается «совокупность компонентов различных институциональных форматов дискурса, концентрация и взаимопроникновение которых в значительных пределах может варьировать» [Солопова, Салтыкова, 2019].

Автором диссертации выдвинуто предположение о существовании *дискурса-основы* и *дискурса-дополнения*. Дискурс-основа определяет содержание гибридного дискурса (например, тема войны), а дискурс-дополнение – сферу его функционирования (например, политическая среда), которая накладывает отпечаток на форму дискурса.

В главе представлена подробная характеристика военно-политического и военно-публицистического дискурсов как гибридных институциональных видов дискурса, затрагивающих наиболее важные общественно-политические институты, в которых решаются глобальные вопросы войны и мира. Для каждого из указанных видов дискурса описаны функции и компоненты, представлен обзор зарубежных и отечественных исследований близкой проблематики.

Под **военно-политическим дискурсом** в исследовании понимается дискурс представителей политической элиты, сопровождающий различные этапы военных кампаний и призванный обосновать необходимость их осуществления с учетом основополагающих ценностей того или иного общества.

Перформативная функция военно-политического дискурса заключается в использовании государством права войны и осуществляется исходя из концепции обеспечения безопасности государства, в том числе средствами принуждения и силы.

Нормативная функция военно-политического дискурса состоит в создании прецедентов, способствующих упрощению инициации войны, с целью удовлетворения политических и/или экономических интересов представителей политической элиты.

Презентационная функция военно-политического дискурса направлена на создание имиджа, необходимого для успешной инициации военной кампании. К инструментам, способствующим реализации презентационной функции, можно отнести выбор стратегии, жанра и прецедентных текстов, призванных обеспечить максимальное соответствие дискурса экстралингвистическому контексту.

Парольная функция военно-политического дискурса состоит в установлении границ между его агентами и клиентами (в закреплении дискурсивной асимметрии) благодаря использованию соответствующих дискурсивных формул, присущих данному виду дискурса.

Военно-политический дискурс можно условно охарактеризовать как **дискурс для войны**, агентами которого выступают главы государств, руководители военных ведомств и их заместители, руководители внешнеполитических ведомств и их заместители, а также представители государства в международных организациях. К клиентам военно-политического дискурса относится как население в целом, так и представители СМИ, в том числе оппозиционные, которые вынуждены опираться на официальную информацию или неподтвержденные данные, чтобы вступать в полемику с властями.

Цель военно-политического дискурса заключается в удовлетворении политических и/или экономических интересов за счет доступа к инструментам власти, связанным с принуждением и применением силы, а необходимость войны мотивируется общепринятыми ценностями, которые могут меняться в зависимости от того или иного общества.

К стратегиям военно-политического дискурса можно отнести стратегию на повышение, стратегию на понижение, а также стратегию театральности, которые раскрываются преимущественно в устных жанрах (обращение к нации, пресс-конференция) и протокольных жанрах (заседание международной организации). Используемые дискурсивные формулы подчеркивают гибридную природу военно-политического дискурса, которая проявляется в употреблении военной терминологии, дипломатических клише, а также лексики и стилистических приемов, свойственных политическому дискурсу.

Под **военно-публицистическим дискурсом** понимается дискурс СМИ о войне, представляющий альтернативную официальной точку зрения и направленный на предотвращение злоупотребления властью. Успешность функционирования военно-публицистического дискурса определяется неоднородностью общественных взглядов на участие в военных кампаниях.

Перформативная функция военно-публицистического дискурса состоит в недопущении насилия и опирается на принцип неприменения силы.

Нормативная функция военно-публицистического дискурса заключается в обращении к нормам и правилам, исключающим получение властями доступа к инструментам принуждения и применения силы.

Презентационная функция военно-публицистического дискурса направлена на развенчание и критику имиджа властей, используемого для инициации военной кампании. В отличие от военно-политического дискурса, который замкнут в себе (агенты дискурса являются его центром: они сосредоточены преимущественно на себе и собственном образе в глазах аудитории), военно-публицистический дискурс направлен во внешний мир (СМИ как агенты дискурса репрезентируют себя через критику или одобрение клиентов дискурса), поэтому выполнение каждой из функций военно-публицистического дискурса представлено имплицитно и опосредуется за счет субъективной оценки агентов дискурса.

Парольная функция военно-публицистического дискурса состоит в пересмотре границ между агентами и клиентами дискурса (в осмыслении дискурсивной асимметрии) благодаря использованию соответствующих дискурсивных формул, присущих данному виду дискурса.

Военно-публицистический дискурс можно охарактеризовать как **дискурс о войне**, агентами которого выступают независимые СМИ. К клиентам военно-публицистического дискурса относятся население, представители власти и проправительственные СМИ, которые вынуждены отслеживать оппозиционную риторику.

Цель военно-публицистического дискурса заключается в недопущении удовлетворения политических и/или экономических интересов за счет доступа к инструментам власти, связанным с принуждением и применением силы.

К стратегиям военно-публицистического дискурса можно относиться стратегия на повышение, стратегия на понижение, а также стратегия театральности. В качестве прецедентных текстов для военно-публицистического дискурса характерно использование как повсеместно известных международных документов, так и непосредственно текстов военно-политического дискурса. Используемые дискурсивные формулы подчеркивают гибридную природу военно-публицистического дискурса, который тяготеет к употреблению лексики и стилистических приемов, свойственных дискурсу СМИ.

Теоретическую часть исследования завершает вопрос о разграничении таких лингвистических понятий, как «дискурс» и «жанр». С учетом многообразия трактовок термина «жанр» в настоящем исследовании под **жанром** понимается средство «организации и формализации социального взаимодействия в рамках профессиональной области» [Голованова, 2013: 33].

В качестве наиболее показательных жанров военно-политического и военно-публицистического дискурсов были выбраны обращение президента и аналитическая статья соответственно, для которых был составлен **жанровый портрет** по методике Н.Б. Руженцевой [Руженцева, 2015], что позволило аргументировать выбор указанных жанров и их соответствие цели и задачам исследования.

Во второй главе «Сценарий военно-политического дискурса: структура, компоненты, функции» описывается методика анализа и материал исследования, производится тематическая классификация контекстов военно-политического дискурса, составляющих его сценарий, дается описание каждого из компонентов сценария.

Материал исследования представлен текстами обращений Б. Обамы и Д. Трампа. Все тексты находятся в свободном доступе на информационном сайте правительства США (govinfo.gov) в разделе «Compilation of Presidential Documents» (Собрание документов президента США).

Все документы классифицированы по критериям даты выхода (в соответствии с продолжительностью президентского срока), типа (обращение к нации, обращения и высказывания президента, заявления президента) и темы документа (Сирия). Выбор типа документа обусловлен тем, что обращений к нации оказалось недостаточно для полноценного анализа военно-политического дискурса в силу специфики жанра (8 обращений Б. Обамы и 5 обращений Д. Трампа). Обращения, высказывания и заявления президента нацелены на ту же аудиторию, но характеризуются меньшей продолжительностью и большей периодичностью выступлений. Выступления Б. Обамы представлены 141 текстом, а выступления Д. Трампа – 160 текстами. Каждый документ был предварительно прочтен, и если сирийский вопрос не являлся основной повесткой выступления, то анализировались только те фрагменты, которые непосредственно затрагивали сирийскую проблему.

Для каждого массива материалов представлена характеристика с указанием количества текстов по типу документа, динамики выступлений по годам и ключевых тем (см. Рисунок).

Дальнейшая обработка текстового материала предполагала привлечение ряда методов лингвистического анализа: описательного метода, анализа словарных дефиниций, контекстуального анализа, метода критического анализа дискурса, сценарного метода.

Описательный метод подразумевал необходимость выделения конкретных языковых явлений с их последующим описанием с точки зрения структуры и функционирования. Анализ словарных дефиниций был необходим для оценки коннотации используемых в тексте лексических единиц. Контекстуальный анализ предполагал учет лингвистического контекста при интерпретации текста. Метод критического анализа дискурса позволил не только описать дискурсивные структуры, но и объяснить их в соответствии с характеристиками социального взаимодействия и общественной иерархии, то есть учесть, как социальная асимметрия порождает дискурсивную асимметрию и способствует воспроизводству дискурса манипулирования и неравенства в обществе. Использование метода сценариев позволило перейти от анализа конкретных ситуаций непосредственно к сценариям, по которым они разворачиваются, чтобы выявить лингвистические закономерности репрезентации исследуемого феномена в дискурсе.

Анализ выступлений Б. Обамы и Д. Трампа позволил классифицировать тематику контекстов, в которых упоминалась Сирия, следующим образом: описание действий США, описание сцен насилия, описание роли США на мировой арене, отсылка к знаковым кампаниям, призыв к действию.

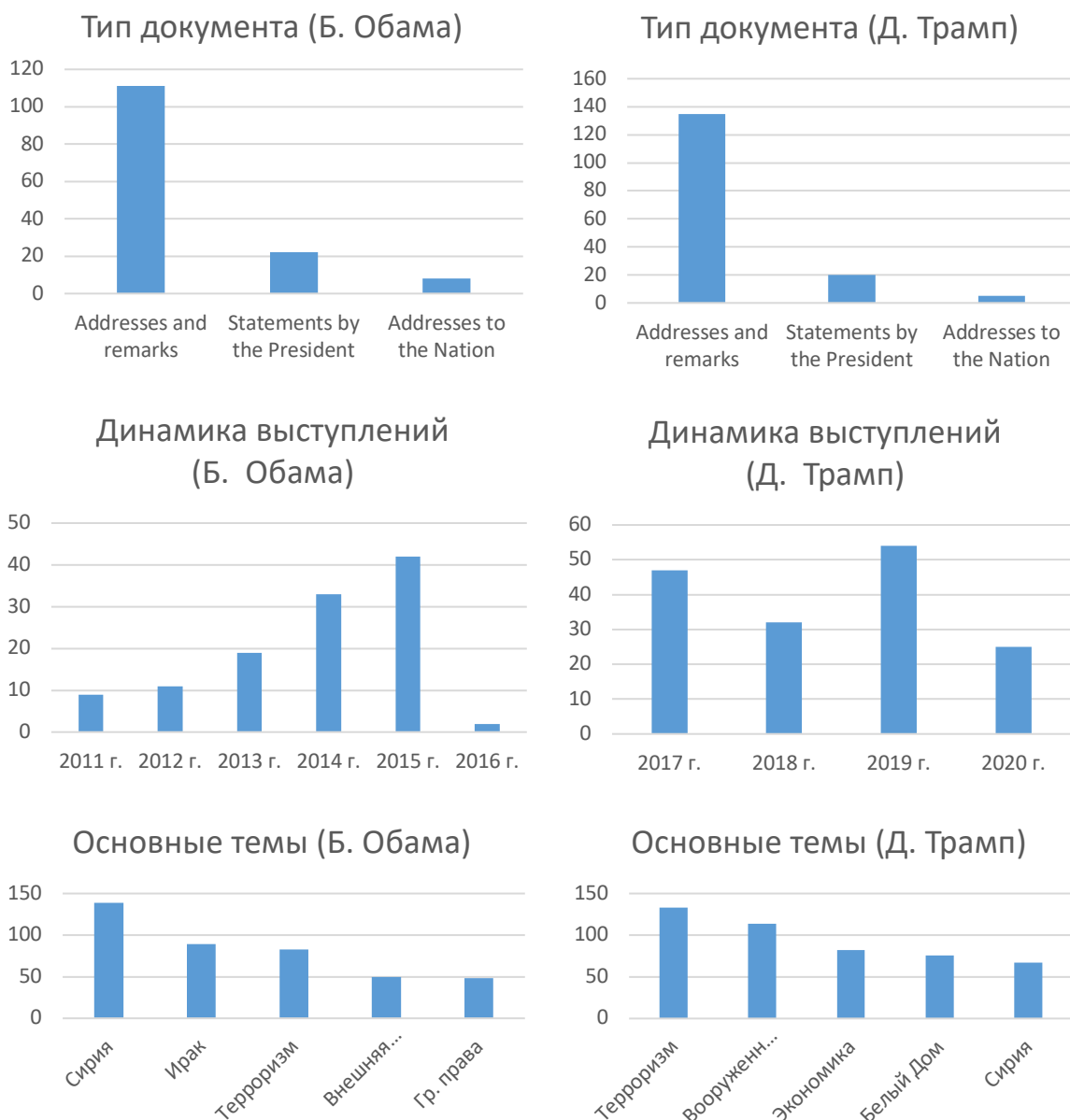

Рисунок – Характеристика обращений Б. Обамы и Д. Трампа

В работе приведены и подробно описаны примеры, иллюстрирующие компоненты сценария военно-политического дискурса в речах Б. Обамы и Д. Трампа, указаны их лингвистические и экстралингвистические особенности.

Описание действий США как элемент военно-политического дискурса отвечает на вопрос о том, что было сделано агентами дискурса. В данном элементе раскрывается перформативная функция институционального дискурса, а в качестве доминирующей выступает стратегия на повышение.

Основными идеями в указанном компоненте военно-политического дискурса являются: разграничение «своих» и «чужих»; акцентирование

внимания на асимметричной природе конфликта, предполагающей заведомый проигрыш для «чужих»; описание собственных действий как носящих конструктивный характер.

Разграничение «своих» и «чужих» подразумевает использование инклюзивного местоимения первого лица множественного числа «мы», а также формирование контекстуальных синонимов и антонимов для сближения/поляризации участников конфликта.

Использование инклюзивного «мы»: *we have stepped up our sanctions on the Syrian regime, we supported a transfer of power, we'll keep working with the Friends of Syria, we are mobilizing humanitarian support and support for the opposition, we will continue to support the legitimate aspirations of the Syrian people, we knocked out 100 percent of the caliphate.*

Контекстуальные антонимические пары: *the United States – the Syrian regime, President Assad; Syria's leaders – the Syrian people.*

Контекстуальные синонимические пары: *the regime – killers, the Friends of Syria – the Syrian opposition, the Syrian regime – President Assad and those around him.*

Асимметричная природа конфликта подчеркивается одновременным использованием приема **генерализации** в отношении «своих» и **конкретизации** в отношении «чужих», например: *we, allies and partners – Assad and his regime/those who stick with Assad, we – Assad and those around him.* Сирия практически не упоминается как самостоятельное государство, а объективируется через «режим Асада». Следовательно, вмешательство в сирийский конфликт подразумевает не военное противостояние между государствами, а борьбу государств с отдельными лицами, позиционирующимися как преступное сообщество. Частным случаем использования генерализации является стратегия **интернационализации**, когда внешнеполитический курс США позиционируется как политика, проводимая международным сообществом в целом: *we will continue to make it clear to Assad and those around him that the world is watching; what we've done is organize the international community, saying Assad has to go.*

Конструктивность действий США подчеркивается употреблением **лексем, относящихся к теме мирного урегулирования** (*to sustain a legal effort, to sustain a humanitarian effort, to increase support, to impose sanctions, a transfer of power, to make smb face justice*), а также глаголов, семантика которых подразумевает работу и совместные усилия: *to work, to engage, to support, to provide.*

Описание действий США играет важную роль в дискурсе как Б. Обамы, так и Д. Трампа. Тем не менее инклюзивное «мы» у Д. Трампа подразумевает прежде всего руководство страны, а не население США в целом, что видно из следующего примера, где одновременно упоминаются представители власти («мы») и граждане США («налогоплательщики»): *We are also protecting taxpayer dollars. I've already saved more than \$725 million on a simple order of F-35 planes. I got involved in the negotiation.*

Кроме того, Д. Трамп часто подчеркивает личные заслуги во внешнеполитических успехах США, что проявляется в использовании местоимения «я». По сравнению с дискурсом Б. Обамы Д. Трамп часто смещает акценты с внешней политики на внутреннюю и противопоставляет политику США при Д. Трампе и предыдущих администрациях.

Описание сцен насилия/обвинения другой стороны является своеобразным антиподом описания действий США. В этом элементе раскрывается сущность противоречий между конфликтующими сторонами, что способствует реализации нормативной функции (легитимации войны), при этом в качестве доминирующей стратегии выступает стратегия на понижение, состоящая в критике оппонента.

В контексте данного компонента асимметрия конфликта демонстрируется за счет представления жертв как заведомо беспомощных, а агрессоров – безжалостных. **Противопоставление «своих» и «чужих»** в данном случае выглядит следующим образом: *citizens – the Syrian regime; men, women, children, the Syrian people – the Syrian regime*.

Деструктивная природа сирийского режима выражается с использованием лексем, в значении которых заложены **разрушение и насилие**: *the path of murder and mass arrests, the tactics of suppression, unspeakable violence, suffering, to torture, to detain, to murder, to kill, to massacre*.

Сирийскому населению при этом приписываются качества и стремления, традиционно характерные для репрезентации США внутри страны, в частности достоинство и отвага (*dignity and courage*), стремление к справедливости, мирному волеизъявлению (*their pursuit of justice; protesting peacefully*), а также универсальным правам (*universal rights*).

Сцены насилия описываются с большим количеством подробностей, что позволяет вызвать эмпатию у аудитории, речь идет об использовании приемов **конкретизации, гиперболы и так называемой «игры с цифрами»**, когда для достоверности могут приводиться статистические данные. Наглядным примером служит следующий отрывок из речи Д. Трампа: *My fellow Americans, on Tuesday (уточнение времени), Syrian dictator Bashar al-Asad (уточнение виновника) launched a horrible chemical weapons attack (характеристика событий) on innocent civilians (описание жертв). Using a deadly nerve agent (уточнение способа убийства), Asad (уточнение виновника) choked out the lives of helpless men, women, and children (описание жертв). It was a slow and brutal death (характеристика событий) for so many. Even beautiful babies (описание жертв) were cruelly murdered in this very barbaric attack (характеристика событий). No child of God should ever suffer such horror*.

Определенное внимание в исследуемом дискурсе уделяется **теме детей**, ставших жертвами военного конфликта: с одной стороны, проводится параллель между детьми и будущим страны, с другой стороны, тема детей близка аудитории и представляет одну из основополагающих ценностей американского общества.

Риторика Б. Обамы и Д. Трампа имеет много общего в том, что касается описания сцен насилия. Сохранение преемственности в данном компоненте военно-политического дискурса помогает воспользоваться уже сформированными ассоциативными связями, что упрощает манипуляцию общественным мнением благодаря обращению к одним и тем же дискурсивным формулам (лексическая когезия).

Описание роли США на мировой арене как элемент военно-политического дискурса играет важную роль в формировании имиджа США в ходе военной кампании и служит выполнению презентационной функции институционального дискурса. В отличие от описания действий США, когда речь идет о конкретных мерах, принимаемых властями, описание роли США строится с учетом тех целей и ценностей, которые разделяет американское общество, а в качестве основной используется стратегия на повышение.

В контексте данного компонента отстаиваются две фундаментальные идеи: объективность притязаний США на статус единственной сверхдержавы и существование набора ценностей, разделяемых всеми членами американского общества.

Уникальность США как государства и объективность их притязаний на статус сверхдержавы демонстрируются с использованием лексем соответствующей семантики. Наиболее употребительными являются единицы лексико-семантических групп **«Государство и власть»** (*powerful nations, influence, economy, land, foreign policy, leadership, government, national security*) и **«Цели и ценности»** (*influence, values, ideas, rights, interests, imperative*). Притязания США на мировое лидерство находят также отражение в **лексемах с семантикой «исключительности»**: *the strongest, the most powerful, the best, unique, the largest*.

Единение внутри американской нации по ключевым вопросам внешней и внутренней политики подчеркивается использованием **инклюзивного местоимения первого лица множественного числа «мы»**, как это было с описанием действий США. Даже в дискурсе Д. Трампа, который тяготеет к употреблению личного местоимения первого лица единственного числа, на первый план выходит употребление «мы», при этом дискурс Д. Трампа не лишен внутреннего противоречия из-за желания совместить традиционную идею о мировом господстве США с постулатами о неэффективности предыдущей администрации, отказе от урегулирования международных конфликтов военными средствами и необходимости достижения мира на Ближнем Востоке.

Описание действий США и описание роли США являются взаимодополняющими компонентами, один из которых освещает материальный, а другой – моральный аспект господства страны на мировой арене. При этом, если описание действий США и описание сцен насилия способствуют выстраиванию границ между «своими» и «чужими», то описание роли государства на мировой арене закрепляет превосходство США над всеми участниками конфликта. В данном компоненте военно-политического дискурса мир трактуется не с позиций дихотомии «мы – они», а понимается как место для

распространения «наших ценностей» (*our values*) и навязывания «наших интересов» (*our interests*).

Отсылка к знаковым кампаниям состоит в обобщении исторического опыта участия США в различных войнах и последующей интерпретации данного опыта в зависимости от потребностей власти. Зачастую отсылка к знаковым кампаниям также подразумевает описание сцен насилия, но в ретроспективном аспекте. С учетом того, что данный элемент сценария содержит упоминания как «своих», так и «чужих», в качестве используемых стратегий можно отметить стратегию на повышение и стратегию на понижение, которые направлены на реализацию нормативной функции – легитимацию войны.

Подобные контексты подразделяются на несколько видов в зависимости от того, какое отношение закрепилось в обществе за тем или иным историческим событием:

1. Признание внешнеполитических неудач, связанных с большим количеством жертв или неоправданной длительностью американского присутствия на территории третьих стран (например, Вьетнам, Афганистан, Ирак). Подобные примеры используются, чтобы убедить аудиторию в том, что очередная внешнеполитическая инициатива не закончится провалом: *The military plan that has been developed by our Joint Chiefs – and that I believe is appropriate – is proportional. It is limited. It does not involve boots on the ground. This is not Iraq, and this is not Afghanistan.*

2. Отсылка к военным операциям, в которых США отстаивали заявляемые ими ценности демократии, закончившиеся, по мнению США, политическим успехом (война в Персидском заливе, Ливия): *When we went into Libya, and we were able to immediately stop the massacre there because of the unique circumstances and the coalition that we had helped to organize, we also had to make sure that Muammar Qaddafi didn't stay there.*

3. Упоминание государств, с которыми США традиционно связывают противоречивые отношения, периодически сопровождающиеся взаимной агрессией (Иран): *From Lebanon to Iraq to Yemen, Iran funds, arms, and trains terrorists, militias, and other extremist groups that spread destruction and chaos across the region. For decades, Iran has fueled the fires of sectarian conflict and terror.*

Упоминания знаковых кампаний можно рассматривать как фрагменты военно-политического дискурса о соответствующих странах: чаще всего речь идет о таких элементах, как обвинения другой стороны и описание роли США на мировой арене. На репрезентацию знаковых кампаний распространяются все лингвистические и экстралингвистические особенности, описанные для других компонентов сценария военно-политического дискурса.

Призыв к действию ориентирован прежде всего на мобилизацию международного сообщества, а также на получение поддержки со стороны граждан США и представляет собой эксплицитное противопоставление «своих» и «чужих», что объясняет многообразие стратегий, задействованных в данном компоненте военно-политического дискурса.

Призыв к действию ориентирован на то, чтобы заручиться поддержкой аудитории и апеллировать к чувству долга, что закономерно влечет за собой использование инклюзивного местоимения первого лица множественного числа в сочетании с модальными глаголами и выражениями со значением долженствования «must» и «have to», которые подчеркивают срочность, важность, а иногда и вынужденность принятия решительных мер: *we must speak with one voice, we have to do everything we can, we must stand with those Syrians who believe in a different vision*. Особую роль играют лексемы совместности, например *to join* или *together*, в семантику которых заложено единение.

Проблема нравственного выбора между условным «добром» (в лице США и их союзников) и «злом» достигает своего апогея: мировое сообщество делится на два взаимоисключающих лагеря по принципу «кто не с нами, тот против нас» и ставится перед фактом неизбежности последствий в случае «неправильного» выбора. Ярким примером поляризации сторон конфликта выступает следующий отрывок из речи Б. Обамы: *Will we stand with the Syrian people or with their oppressors?* Д. Трамп также использовал этот прием в обращениях на тему Сирии: *Tonight I call on all civilized nations to join us in seeking to end the slaughter and bloodshed in Syria and also to end terrorism of all kinds and all types*.

Играя важную роль в реализации военно-политического дискурса, призыв к действию не имеет принципиальных различий в дискурсе Б. Обамы и Д. Трампа. Именно описание сцен насилия и призыв к действию, которые больше всего нацелены на эмпатию со стороны аудитории, максимально сохраняют преемственность вне зависимости от администрации.

Единство сохраняет и синтаксическая структура военно-политического дискурса независимо от выбранного компонента: манипулятивный характер дискурса требует не только лексической, но и синтаксической когезии, которая позволила бы «закрепить» сообщение в сознании реципиента. Для военно-политического дискурса характерно использование синтаксического параллелизма, антитезы, анафоры, инверсии.

Таким образом, анализ текстов военно-политического дискурса продемонстрировал наличие в нем четкой структуры, заданной его функциями. Хотя последовательность элементов в тексте может меняться в зависимости от акцентов, расставленных говорящим, их присутствие является константным.

Закономерности функционирования военно-политического дискурса позволили определить следующие характеристики, обусловленные его гибридной институциональной природой:

- 1) доминирование темы войны и ее значения в жизни общества, легитимация войны (влияние дискурса-основы);
- 2) элитарность военно-политического дискурса как производная социальной асимметрии и ограниченности общественного доступа к сведениям, представляющим военную тайну (влияние дискурса-основы);
- 3) обширная аудитория реципиентов (влияние дискурса-дополнения);
- 4) существование устойчивого сценария как результат преемственности дискурса во времени (влияние дискурса-дополнения);

5) использование одних и тех же лингвистических средств и экстралингвистических факторов для манипуляции общественным мнением в силу устойчивости сценария дискурса (влияние дискурса-дополнения).

В третьей главе «Сценарий военно-публицистического дискурса: структура, компоненты, функции» описывается методика анализа и материал исследования, производится тематическая классификация контекстов военно-публицистического дискурса, составляющих его сценарий, дается детализированное описание каждого из компонентов сценария.

Материал исследования включает тексты, представляющие собой реакцию СМИ на выступления Б. Обамы (144) и Д. Трампа (161). Все тексты были опубликованы на сайте американской газеты «The New York Times» (www.nytimes.com), выбор которой обоснован авторитетностью издания, в том числе в вопросах освещения ситуации на Ближнем Востоке, численностью аудитории и публикационной этикой газеты, допускающей рассмотрение одних и тех же событий под разным углом. Из десяти разделов сайта больше всего новостей по теме Сирии представлено в разделе «Мнение» (Opinion), материалы которого относятся к жанру аналитической статьи.

Анализ текстов военно-публицистического дискурса показал, что создание единого сценария, как в случае военно-политического дискурса, не представляется возможным по нескольким причинам, среди которых неоднородность содержания дискурса, потенциально неограниченное число агентов, а также неравный доступ к информации среди агентов. Тем не менее отсутствие ярко выраженного сценария у военно-публицистического дискурса не исключает существования определенных закономерностей создания его произведений.

В ходе исследования установлено, что военно-публицистический дискурс выстраивается вокруг таких элементов, как отсылка к знаковым кампаниям и призыв к действию.

Отсылка к знаковым кампаниям является центральным элементом военно-публицистического дискурса. В связи с этим четко определяется разница между военно-политическим и военно-публицистическим видами дискурса. Военно-публицистический дискурс по своей природе ретроспективен, что объясняется ограниченным доступом СМИ к актуальной информации, и состоит в выстраивании аналогий с историческими событиями с их последующим анализом. Военно-политический дискурс максимально сосредоточен на необходимости принятия решений здесь и сейчас, а отсылка к знаковым кампаниям выступает лишь одним из способов аргументации принятых решений.

Отсылка к знаковым кампаниям как часть оппозиционного военно-публицистического дискурса представляет собой так называемый дискурс «о войне», причем речь идет не о каком-то конкретном геополитическом противостоянии, а о феномене войны в целом и его месте в истории государства. На первый план при этом выходит человеческий фактор и те последствия, которые влечет за собой война. СМИ выступают в качестве обвинителя, реализуя

свою перформативную функцию через критику насилия как средства урегулирования конфликтов, поэтому доминирующей стратегией является стратегия на понижение (обращение к внешнеполитическим провалам США).

В большинстве случаев повествование ведется от третьего лица, что позволяет придать объективность изложению и уйти от оппозиции «свои/чужие», лежащей в основе военно-политического дискурса. Важную роль играет фактологическая информация, в частности, хронотоп описываемых исторических событий и статистика жертв/численности воинских континентов. Предпочтение отдается приему конкретизации, который позволяет продемонстрировать осведомленность автора. Например: *The United States government dispatched nearly 30,000 troops to Somalia in 1992 and 1993 for humanitarian purposes, but the operation came to grief when the Americans stumbled into a partisan conflict, caused the deaths of hundreds of Somalis and lost 42 service members, including 18 killed in one culminating battle.*

Некоторые контексты выстраиваются вокруг аллюзий на прецедентные тексты (конкретные речи выступлений Б. Обамы и Д. Трампа), например, *no boots on the ground* (обещание Б. Обамы не участвовать в наземной операции в Сирии) или *red lines* (обещание Б. Обамы вмешаться в ситуацию в Сирии в случае атаки Б. Асада на мирное население страны): *America fought in Vietnamese jungles to prove to the Kremlin that once the United States drew its red lines it would use all of its power to achieve its objectives.*

С точки зрения способа подачи информации все контексты заметно отличаются друг от друга, что объясняется относительной свободой изложения, принятой в СМИ, по сравнению с более формальным военно-политическим дискурсом, в котором представлена позиция официальных лиц.

Отсылка к знаковым кампаниям в материалах СМИ, поддерживающих вмешательство США в гражданскую войну в Сирии, представляет собой дискурс «для войны» и поддерживает официальную риторику, а следовательно, ориентируется на стратегию на повышение (обращение к внешнеполитическим успехам США) и стратегию на понижение (обращение к внутриполитическим ошибкам другого государства).

В подобных материалах обращает на себя внимание оппозиция «свои/чужие»; на первый план выходит понятие морального долга, а фактологическая информация уступает место описаниям, способным вызвать одновременно страх перед врагом и сочувствие к жертвам за счет присутствия лексем с семантикой убийства (*slaughter, genocide, methodical killing*) и оценки (*innocent children, an incomparably harsher dictator*).

Журналисты подчеркивают асимметричный характер войны как внутри Сирии, так и для самих США: происходящее в Сирии описывается как неравный бой между диктатором и беззащитным населением, в то время как для США участие в подобной войне не несет рисков и характеризуется как «ограниченное вмешательство» (*limited intervention*) или «ограниченное применение силы» (*limited use of force*). Как и в случае с военно-политическим дискурсом, отдельное внимание уделяется теме жертв среди детей. Подобный подход к

феномену войны выступает принципиальным отличием между оппозиционным и проправительственным военно-публицистическим дискурсом: если в первом утверждается, что война остается таковой в любом облики, то военно-политический и проправительственный военно-публицистический дискурс устанавливают своеобразную «градацию» более приемлемых и менее приемлемых боевых действий.

Наглядным примером проправительственного военно-публицистического дискурса служит отрывок, в котором поднимается тема морального долга, утверждается асимметричный характер войны, а само понятие войны подменяется термином «геноцид»: *If an atrocity is committed before our eyes, whether it is the methodical killing of Jews, genocide in Rwanda, slaughter of civilians by chemical weapons, or a person in need of immediate assistance in a highway accident, and we have the power to stop the atrocity or help the person in need at little or no danger to ourselves, surely we have a moral duty to do so.* Отсылка к знаковым кампаниям в данном случае выполняет нормативную функцию легитимации войны, что отчасти объясняет различия в средствах и способах вербализации феномена войны в контексте проправительственного и оппозиционного военно-публицистического дискурса.

Призыв к действию как элемент оппозиционного военно-публицистического дискурса связан с побуждением аудитории к переосмыслению выступлений военно-политического характера и подталкиванию власти к пересмотру внешнеполитического курса. При этом, если отсылка к знаковым кампаниям демонстрирует высокую зависимость от экстралингвистического контекста, то призыв к действию формулируется на основе прецедентных текстов военно-политического дискурса.

Особенностью данного компонента сценария военно-публицистического дискурса является то, что в большинстве примеров за ним закреплено определенное положение в конце текста, так как призыв к действию является синтезом содержания статьи и основным посылом автора. По сравнению с отсылкой к знаковым кампаниям призыв к действию демонстрирует меньшую объективность изложения и часто представляет собой высказывание автором своего мнения относительно участия в войне.

Если в военно-политическом дискурсе призыв к действию прежде всего обращен к населению, то в случае с оппозиционным военно-публицистическим дискурсом призыв к действию обращен к властям, в то время как население выступает в качестве зрителя и судьи: *The question Congress and Mr. Obama must ask now is whether employing force to punish Mr. Assad's use of chemical weapons is worth endangering the fragile international order that is World War II's most significant legacy.* Для призыва к действию в оппозиционном военно-публицистическом дискурсе не характерно использование инклюзивного «мы», как и обращение к оппозиции «свои/чужие». По сути, цель данного дискурса не поляризация общества для провокации конфликта, а предотвращение злоупотребления властью и манипуляции общественным мнением. Призыв к

действию служит попыткой установить диалог с властью, чтобы удостовериться в рациональности принимаемых политических решений.

Как и в военно-политическом дискурсе, для данного компонента характерно использование модальных глаголов *must* и *should*, а также использование глаголов в повелительном наклонении: ***But Congress and Mr. Obama should be careful about setting hard deadlines or drawing any more red lines. At least Syria has admitted that it has chemical weapons, for the first time ever; so give Obama credit for standing up for an important principle in a chaotic region. But also give the American people some credit. They're telling our leaders something important: It's hard to keep facing down Middle East Hitlers when there are no Churchills on the other side.***

В некоторых случаях призыв к действию выражается в более провокационной манере в виде риторического вопроса или предложения условного типа, что, с одной стороны, привлекает внимание к идее автора, а с другой стороны, побуждает аудиторию к размышлению на заданную тему: *My position is simple: if the administration wants me to vote for war, on this occasion or on any other, then I need to know all the facts. And I'm not the only one who feels that way.*

Призыв к действию как элемент проправительственного военно-публицистического дискурса связан с побуждением аудитории к одобрению внешнеполитического курса, принятого властями, что сближает его с призывом к действию в военно-политическом дискурсе и объясняет его зависимость от прецедентных текстов военно-политического характера.

В проправительственном военно-публицистическом дискурсе призыв к действию также находится в конце текста, чтобы обратить на себя внимание аудитории. На первый план выходит тема морального долга и выбора «правильной» стороны: *I understand that Syria is a hard case, with uncertain consequences. But if we are broadly retreating from the principle of humanitarian intervention to avert mass atrocities because of compassion fatigue in a tumultuous and ungrateful world, then we're landing on the wrong side of history, and some day we will look back in shame.*

Для большинства контекстов характерно использование инклюзивного «мы» и оппозиции «свои/чужие», что придает призыву к действию большую категоричность: ***The American government has concluded "with high confidence" that some 1,429 Syrians, including at least 426 children, were killed by toxic chemicals. What is the threshold for action? NATO should be part of an international effort to sharply punish the Assad regime, which poses a clear and present danger to the alliance – and the United States should lead NATO in doing so.***

Функция призыва реализуется за счет использования модальных глаголов со значением долженствования, а также глаголов в повелительном наклонении, что сближает призыв к действию в качестве элемента сценария военно-политического и военно-публицистического дискурсов (как проправительственного, так и оппозиционного). Подобная близость объясняется единством манипулятивной функции, выполняемой данным элементом в указанных видах дискурса. В некоторых случаях призыв к действию выражается

в форме риторического вопроса или предложения условного типа: *In the case of Syria there exists moral agreement that the use of chemical weapons was an atrocity, and perhaps even that Syria committed it, but no consensus will be reached about who should be the 21st century Antigone who must go to Damascus, or what rites need be performed once she gets there.*

С точки зрения синтаксиса военно-публицистический дискурс демонстрирует большее разнообразие используемых приемов и конструкций, однако доминирующими остаются синтаксический параллелизм, анафора, предложения условного типа, а также риторический вопрос: *We will be asked by our children what we did against this mass murder, as we asked our parents about Nazism. We will then lower our eyes and have to remain silent.*

Сложность анализа военно-публицистического дискурса заключается в том, что для него нехарактерны ни синтаксическая, ни лексическая когезия, что связано с потенциально бесконечным количеством авторов и, соответственно, способов подачи информации в отличие от официального военно-политического дискурса.

Оппозиционный военно-публицистический дискурс не претерпел особых изменений при переходе власти от Б. Обамы к Д. Трампу, при этом сторонников проправительственного военно-публицистического дискурса стало меньше в силу неоднозначного отношения к персоне Д. Трампа в самих США.

Указанные закономерности функционирования военно-публицистического дискурса позволили определить следующие характеристики, проистекающие из его гибридной институциональной природы:

1) доминирование темы войны и ее значения в жизни общества, критика войны (влияние дискурса-основы);

2) большое количество агентов военно-публицистического дискурса как результат большого числа новостных изданий и массовости профессии журналиста (влияние дискурса-дополнения);

3) обширная аудитория реципиентов (влияние дискурса-дополнения);

4) отсутствие устойчивого сценария как результат большого количества агентов дискурса (влияние дискурса-дополнения);

5) использование разнообразных лингвистических и экстралингвистических средств для манипуляции общественным мнением в силу отсутствия единого сценария дискурса (влияние дискурса-дополнения).

Проведенный анализ позволил установить, что описание институциональных гибридных видов дискурса предполагает учет их функциональных и структурных особенностей и состоит в следующем:

1) определение дискурса-основы и дискурса-дополнения с учетом доминирующей темы произведений дискурса;

2) определение участников дискурса (агентов), их целей и ценностей, которые характеризуют выполнение дискурсом перформативной и нормативной функций;

3) определение участников дискурса (реципиентов), под которых адаптируется коммуникативная ситуация и с которыми связано выполнение

презентационной и парольной функций агентами дискурса, что проявляется в выборе стратегий, жанров, прецедентных текстов и дискурсивных формул.

В заключении подводятся итоги исследования, обобщаются теоретические выводы и практические результаты работы, намечаются перспективы для дальнейшего изучения гибридных дискурсов как по отдельности, так и в междискурсивном ракурсе.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора.

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Хомутова, Т.Н. Военно-политический дискурс как особый тип дискурса / Т.Н. Хомутова, К.А. Наумова // Вестник Южно-Урал. гос. ун-та. Серия: Лингвистика. – 2017. – Т. 14, № 3. – С. 49–53.

2. Солопова, О.А. Гибридные форматы дискурса: проблемы классификации / О.А. Солопова, К.А. Наумова // Филологический класс. – 2018. – № 4 (54). – С. 15–21 (WoS).

3. Наумова, К.А. Контент-анализ военно-политического и военно-публицистического форматов дискурса в сопоставительном аспекте / К.А. Наумова // Политическая лингвистика. – 2019. – № 3 (75). – С. 96–105.

4. Марченко (Наумова), К.А. Гибридные форматы дискурса как часть институционального дискурса / К.А. Марченко // Когнитивные исследования языка. – 2020. – № 2 (41). – С. 661–665.

Другие публикации:

5. Наумова, К.А. Критический анализ дискурса как актуальное направление современных краеведческих исследований / К.А. Наумова // Гороховские чтения: материалы десятой регион. музейн. конф. / сост., науч. ред. А.Н. Лымарев. – Челябинск, 2019. – С. 370–372.

6. Марченко (Наумова), К.А. Средства манипуляции общественным мнением в институциональном дискурсе (на примере военно-политического дискурса) / К.А. Марченко // Лингвополитическая персонология: дискурсивный поворот. Материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. Н.Б. Руженцева; Уральский государственный педагогический университет; РАНХиГС, Уральский институт управления. – Екатеринбург, 2019. – С. 140–142.

7. Марченко (Наумова), К.А. Особенности военно-политического дискурса: роль личности в дискурсе Великой Отечественной войны / К.А. Марченко // Великая победа в реалиях современной эпохи: историческая память и национальная безопасность: сб. науч. ст. / гл. ред. А.В. Сперанский. – Екатеринбург: Сократ, 2020. – С. 322–325.

8. Marchenko (Naumova), K.A. To the issue of the correlation between military-political and military-media discourse / K.A. Marchenko // WUT 2020 10th International Conference “Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects”. – 2020. – P. 941–946.